

18+

Николай Зеляк

Зазеркалье

Сборник фантастических
рассказов 2

Николай Земяк

**Зазеркалье. Сборник
фантастических рассказов – 2**

«Издательские решения»

Земяк Н.

Зазеркалье. Сборник фантастических рассказов – 2 / Н. Земяк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933387-2

В ночном небе, прямо над головой, мерцает далёкая Полярная звезда. Причём, все небесные светила вращаются вокруг неё, а она неподвижна. Получается, что она главная, что она, как бы, центр мироздания. И, тем не менее, главная всё же не она, а скромные звёзды вроде нашего Солнца. Именно их лучи согревают самые разные формы жизни, включая сюда и разумные...

ISBN 978-5-44-933387-2

© Земяк Н.
© Издательские решения

Содержание

Зазеркалье	6
Знойный полдень	11
Блуждающие тени	18
Лунная дверь	23
Вещий	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Зазеркалье

Сборник фантастических рассказов – 2

Николай Зеляк

© Николай Зеляк, 2018

ISBN 978-5-4493-3387-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-3386-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей любимой внучке Лорочке!

Dedicated to my beloved granddaughter Lorochka!

Но его гордая природа не смирилась с этой несправедливостью. Он стал бороться и выковал себе огненные крылья. С помощью этих крыльев он уже вышел в околоземное пространство. Придёт пора и его нога обязательно ступит на поверхность соседних небесных тел. Но этого ему будет мало. Познание им бесконечного космоса, не ограничится пределами Солнечной системы...

Человека всегда манили далёкие звёзды. Однако расстояния, разделяющие звёздные миры очень велики. Они с трудом преодолеваются световым лучом, который мчится в космическом пространстве с самой высокой скоростью в природе. И на преодоление межзвёздного пути они тратят непозволительно много времени. Отсюда, перед разумом человека стоит новый вызов: как сделать далёкие звёзды близкими...

Вокруг нас мириады миров и всё же... мы одиноки. Нужна ли человеку его гордая уникальность и унылая изолированность? Наверное, нет. Это тормоз для развития человеческого разума. Это цивилизационный тупик.

Человеку нужны крылья и контакты с собой подобными. Тогда перед ним откроются, действительно, грандиозные, ничем не ограниченные перспективы. Тогда вся Вселенная станет его домом!

Однако чтобы достичь этой высокой цели, ему необходимо научиться преодолевать пространство быстрее скорости света и уметь путешествовать во времени...

Зазеркалье

Звездолет только-только вышел из «кратовой норы». Теперь он «отдыхал», двигаясь в пространстве со скромной скоростью. Скромной, разумеется, относительно скорости света.

Восстанавливался после «туннельного» перехода и его экипаж. Он был немногочисленным, но сплочённым. Всего пять человек – капитан, инженер, кибернетик, врач и астрофизик.

В рубке управления кораблём горел красный, аварийный свет. Лица людей были драматично окрашены в резкие, красно – чёрные тона. Космонавты помещались в антигравитационных креслах. Позы расслаблены. Глаза закрыты. Они приходили в себя после квантового скачка в межзвёздном пространстве. Судя по всему, скачек прошёл нормально. Звездолёт, в мгновение ока, объявился по нужному космическому адресу.

Тридцать триллионов клеток человеческого организма, дезинтегрированных квантовым скачком, восстановились. Каждый «кирпичик» занял, подобающее ему, место. А иначе и быть не могло – это ведь закон квантовой физики! А законы квантовой физики ещё никогда не подводили.

Люди, не размыкая век, радовались возвращению в реальность. Тихо ликовали от сладостного ощущения возродившегося бытия...

Первым, как и положено, свои глаза открыл капитан. Он тут же дал команду бортовому компьютеру сменить освещение рубки. Тревожный красный цвет исчез. Ему на смену пришло мягкое, невесомое «золото».

Капитан оставил кресло и медленно прошёлся по рубке. Остановился перед панелью управления. Бесчисленные зелёные огоньки бодро ему подмигивали, показывая тем самым, что все системы корабля функционируют, как положено.

Вторым, из приятной нирваны возвращающегося бытия, вышел кибернетик.

– Привет, кэп!

Капитан обернулся.

– Привет!

– Что у нас новенького по эту сторону квантового «барьера»?

Капитан улыбнулся.

– То же самое, что было и по ту его сторону. За исключением того, что мы на пару парсек переместились в пространстве.

Кибернетик потянулся.

– Прекрасно. Хорошая новость всегда поднимает настроение.

Вслед за капитаном и кибернетиком «проснулись» другие члены экипажа. И жизнь на корабле пошла своим чередом. Звезда, в сторону которой держал свой курс звездолёт Земли, заметно прибавила в яркости. Это означало, что цель путешествия близка...

Но однажды, в рубку управления кораблём вбежал взъерошенный кибернетик. В таком возбуждённом состоянии капитан его никогда не видел.

– Что случилось?

Кибернетик взволнованно пробормотал:

– Только что моё хозяйство зарегистрировало странный сигнал!

Волнение кибернетика передалось капитану.

– Искусственный?

– Вероятность почти единица.

Капитан повеселел.

– Прекрасно. Это наша звезда приветствует нас! Не зря столько времени мы пылили по космической дорожке, не зря!

Кибернетик покачал головой.

– Это не звезда.

Капитан насторожился.

– Тогда, что?

И здесь кибернетик выдал ошеломительную новость.

– Точно установлено, что сигнал был передан объектом, движущимся навстречу нам, параллельно нашему курсу!

Капитан задумчиво пробормотал:

– Гм, рисуется очень любопытная картинка из теории параллельных прямых...

Кибернетик усмехнулся.

– Точно подмечено, кэп. Действительно, у нас на глазах доказывается истинность пятого постулата Эвклида. Только не на листочке бумаги...

Капитан засомневался.

– А ты уверен, что сигнал послан, именно, движущимся объектом?

Кибернетик обиженно пробубнил:

– Абсолютно. Сигнал сильно сплюснен доплеровским эффектом. Такое случается только в том случае, когда объекты движутся на больших скоростях навстречу друг другу.

Капитан смягчился.

– Не обижайся.

Вопросительно глянул в глаза кибернетика.

– Что, дальше?

– Сейчас сигнал растягивается до нужной частоты. После чего мы попытаемся его расшифровать.

Повторился:

– А в том, что этот сигнал искусственного происхождения, я не сомневаюсь ни на йоту.

Запахло сенсацией! Да ещё какой! Впервые зарегистрирован сигнал искусственного происхождения! Впервые может произойти контакт с посланниками внеземной цивилизации! И всё это, впервые!

Срочно собрался весь экипаж звездолёта. Капитан обвёл команду пристальным взглядом, подчёркивая тем самым важность момента.

– Нами только что получен сигнал искусственного происхождения!

Астрофизик чуть побледнел. Чувствовалось его внутреннее волнение.

– Откуда он пришёл? Со звезды, к которой мы идём?

Капитан покачал головой:

– Нет, не со звезды. Сигнал послан неизвестным космическим объектом. Он идёт параллельным курсом, навстречу нам.

Инженер тихо спросил:

– Что это может быть?

Капитан неторопливо потёр тонкими пальцами свой подбородок.

– Это может быть всё, что угодно. Либо материальный объект, либо разумно структурированный сгусток плазмы, либо компактное полевое образование, тоже разумное...

Прервался на секунду, раздумывая, а потом продолжил:

– Я, лично, склоняюсь к мысли, что это инопланетный космический корабль, который по техническому и технологическому уровню, не уступает нашему звездолёту. И это, как минимум. Но главное в том, что он ищет контакт с собой подобными. Он ищет контакт!

В обсуждение темы включился врач:

– Кэп, не забудь к индифферентному слову «инопланетный» добавить слово «чужой». Это слово несёт в себе совершенно иной контекст.

При слове «чужой», команда звездолёта напряжилась.

Капитан нахмурился.

– Согласен.

Посмотрел тяжёлым взглядом на притихшую команду. – Нам, здесь и сейчас, надо принять нелёгкое решение: ответить на сигнал чужого разума, или промолчать.

Его твёрдые губы тронула едва заметная усмешка.

– Хотя, промолчать – это и проще, и... безопаснее.

Кибернетик откликнулся первым:

– Я полагаю, ответить надо!

Заговорил быстро и вдохновенно:

– Над нами, землянами, немыслимо долго довлело унылое чувство одиночества. Сначала мы с тоской смотрели на звёзды, не в силах преодолеть земное тяготение. Здесь нас вдохновляла мечта Джордано Бруно, с его теорией о множественности разумных миров. Потом мы вырвались в ближний космос и освоили планеты Солнечной системы. Пространство расширилось, а темница одиночества, по-прежнему, оставалась тесной и унылой. Мы возмужали. Освоили звёздные трассы. Но мечта встретить братьев по разуму, лишь манила нас, но оставалась призрачной, как линия горизонта...

Перевёл дух.

– И вот, наконец, судьба дала нам шанс поставить жирный крест на нашем унылом сиротстве и нашей напыщенной уникальности. Реальность говорит нам о том, что мы – один из многих разумных миров, рассеянных среди звёзд. Сам факт существования внеземного разумного мира – это уже прекрасно! Я даже не говорю о том, насколько мы обогатимся, вступив с ним в контакт...

Восторженно вскинул вверх руки.

– Мы не одиноки во Вселенной, слышите, не одиноки! И это здорово!

Улыбнулся на все свои тридцать три зуба.

– Я за контакт!

Инженер же, в отличие от кибернетика, повёл себя менее эмоционально.

– Не надо забывать, что это иная цивилизация. Иная во всём. Она могла развиваться по другим, нам не известным, техническим и технологическим принципам и законам. Мы можем оказаться слишком разными. Даже, чересчур разными...

Но кибернетика, всё же, поддержал:

– И, тем не менее, я за контакт!

Врач скептически пожал плечами.

– Всякие технические и технологические нестыковки не столь фатальны, как это может показаться на первый взгляд. Ведь законы природы везде одинаковы. Неважно, где это всё происходит, наша ли это Галактика, или далёкая Туманность Андромеды. Суть в другом.

Озабоченно сморщил лоб.

– А это другое – их мораль и психология!

Назидательно покачал указательным пальцем.

– Не исключено, что они могут быть запрограммированы природой на уничтожение своих конкурентов. Совсем, не исключено. Скорее, даже, естественно. Что для нас – дикость, то для них – норма. Их разум, пусть очень высокий и продвинутый, но работающий в иной, враждебной нам, нравственной парадигме, просто откажется вступать с нами в контакт. И это в лучшем случае. А что может произойти с нами в худшем случае? Вопрос риторический...

Встревоженным голосом поинтересовался у своих соратников:

– Скажите, как нам поступить в том случае, когда мы пришли с пальмовой ветвью, а нас встречают с мечом? На этот гипотетический вопрос у меня нет ответа...

Астрофизик тяжело вздохнул.

– Вселенная бесконечно сложна и загадочна. Действительно, в её недрах можно встретить то, что ранее никогда не встречалось. Скажу больше – что не смогло бы присниться даже в бредовом сне...

Немного подумав, продолжил:

– Я допускаю любой исход нашей встречи с чужим разумом. Не исключаю, даже, трагичный. Однако на позитивный лад меня настраивает то обстоятельство, что чужие гуманоиды являются носителями высокого разума. Как и мы. Отсюда следует простая истина – мы сможем понять друг друга. Вернее, я надеюсь, что сможем...

Заговорил капитан. В голосе металл:

– Сделать выбор трудно, но... надо. Это будет ослепительный миг для нас, и великая веха для всей нашей цивилизации. Такой шанс упускать нельзя. Другого шанса не будет...

Вынес вердикт:

– Поэтому, я за контакт, даже если у нас, в результате этого, возникнут большие проблемы. Мы ничем не рискуем, кроме собственной жизни. Замечу, нашей цивилизации ничего не угрожает. Они не смогут вычислить – откуда мы.

Решительно рубанул рукой воздух.

– Рискнём!

...Скорости звездолётов обнулились. Чужой звездолёт обозначился на панорамном мониторе обзора едва заметной, туманной точкой. И это при максимальном увеличении. Но экипаж запасся терпением – игра стоила свеч!

По мере того, как корабли сближались, на мониторе, всё явственней, прорисовывалось тело чужого звездолёта. Люди заворожено всматривались и живо обсуждали каждую деталь, каждую технологическую нишу инопланетного корабля, невольно сравнивая его с родным звездолётом. Конечно, посланец космоса не был похож на корабль землян. Ожидаемо, не был похож. Землян этот факт удивил не сильно. Чужак обладал совершенно иной архитектурой. И, тем не менее, сходство нашлось. Технологическое. И тот и другой корабль имели одну родственную форму. Этой формой была гигантская чаша отражателя потока фотонов, создающих реактивную тягу звездолёта. Видно, на инопланетном звездолёте, для перемещения в пространстве, тоже использовали энергию аннигиляции. А это уже субсветовые скорости, при которых время на борту корабля практически замирает. Для стороннего наблюдателя, разумеется. По этой причине, овеянные легендой, пилоты дальнего космоса, считались «бессмертными»...

Чужой звездолёт, чужая форма – это предвиделось, и особого «аханья» у землян не вызвало. Удивило другое. Корпус приближающегося, инопланетного корабля неестественно светился. Он весь, с кончика носа до кормы, был укутан мерцающим светлым маревом. «Нимб святости» был чрезмерным. Да, защитное поле под воздействием звёздного ветра, светится, это правда. Но не так интенсивно. Странное явление требовало объяснения.

Первым отреагировал на загадочное явление астрофизик:

– Как странно. Частицы роятся возле корабля, словно пчёлы у улья.

Люди, затаив дыхание, следили за приближающимся чужим кораблём. Капитана тоже напрягло необычное свечение чужого корабля. Он обратился к астрофизику:

– Что это? Явление фотоэффекта?

Астрофизик покачал головой.

– Не похоже. При фотоэффекте не должно быть такого интенсивного свечения. Защитное поле корабля велико. Оно настолько ослабляет энергию частиц, бьющих в кристаллическую решётку металла и выбивающих оттуда электроны, что свечение практически исключено. Конечно, оно есть, но очень слабое. Здесь же мы наблюдаем нечто, принципиально иное, по своей физической природе.

– Что?

Астрофизик нахмурился.

– Боюсь тебя расстроить, кэп.

– Ничего, перенесу.

– Явление, которое мы наблюдаем, подозрительно напоминает реакцию аннигиляции.

Правда, в микроскопическом масштабе.

Капитан не поверил своим ушам.

– Аннигиляция?

Недоверчиво покачал головой.

– Здесь, в царстве обычного вещества? Не может этого быть.

Астрофизик упрямо стоял на своём.

– Может. Защитное поле звездолёта служит непреодолимым препятствием для частиц звездного ветра. Лишь единицам удастся проломить его «броню» и достичь поверхности корпуса корабля. Но если встречаются вещество и антивещество, то этого уже достаточно. Роскошный «нимб» кораблю будет обеспечен.

– Вывод?

Астрофизик своими словами огорошил весь экипаж:

– Похоже, корабль инопланетян построен из антивещества. И забрёл он в наш обычный мир из антимира. Зачем? Ведомо только им. Возможно, в поисках других звёздных островков, состоящих из антивещества. Кто знает...

Лицо капитана искривила гримаса досады:

– Как жаль!

Врач тяжело вздохнул:

– Столько радужных ожиданий и такой безнадёжный исход... Кто бы мог подумать, что они из зазеркалья. Как печально!

Инженер поддакнул эскулапу:

– Действительно, очень печально!

Повернулся к астрофизику.

– Они догадываются, что пришли в наш мир из зазеркалья?

Астрофизик ответил:

– Я думаю...

Но больше всех был разочарован восторженный кибернетик:

– А так мечталось увидеть их небо, так хотелось...

Громады кораблей, словно по команде, замерли на нужном расстоянии. Друг против друга. Борт к борту. Выбросили телескопические мосты – галереи. Торцы галерей, разделяло невидимое защитное поле.

...Ударил яркий свет. По хрупкому, зависшему над бездной, мостику, навстречу друг другу, зашагали серебристые фигурки. Пятеро землян и семеро гуманоидов. Остановились друг напротив друга, на самом краю бездны. Бездны зазеркалья, которое разделило их миры навсегда... Люди заглянули в глаза своих космических братьев по разуму. Они увидели там мудрость, доброту и... усталость...

Знойный полдень

Испания. Середина XIV века. Эпоха развитого феодализма и расцвета святой инквизиции...

Время подходило к полудню. По узкой улочке Севильи шёл высокий монах – францисканец. Одет он был в длинную рясу, опоясанную на тонкой талии верёвкой с традиционными тремя узлами. Благочестивую голову, чуть наклонённую вперёд, покрывал глубокий капюшон. В ухоженных руках – чётки. Он был бы совсем не замечен, если бы не его рост и телосложение. Под духовными одеждами, несмотря на внешнюю смиренность, угадывалась пружинистая сила атлета. И вооружён он был не только словом божьим, но и армейским ножом, который был спрятан под рясой, и с которым он никогда не расставался в своих опасных путешествиях.

Неожиданно за его спиной послышался плеск жидкости и резкий вопль. Вслед за этим раздался грубый мужской смех. Монах оглянулся и увидел обычную, для цивилизованного европейского города тех времён, картинку. На роскошную шляпу записного франта, с грозной шпагой на боку, откуда-то сверху, беспечно выплеснулось содержимое ночного горшка. Негодующий кавалер, по началу, ринулся было к двери, с горячим намерением наказать тех, кто наверху, за неучтивость к своей персоне. Но новый взрыв хохота здоровых, мужских глоток, охладил его неистовый порыв прямо на пороге дома. Он остановился в нерешительности. Ведь, вполне, могло случиться так, что в дом он войдет добровольно и на собственных ногах, а обратно его уже вынесут ногами вперёд. Такая перспектива его не устраивала. Кавалер, немного пораскинув мозгами, заходить в дом передумал. Страхнув с роскошной шляпы остатки содержимого ночного горшка, он, в сопровождении стайки заинтересованных зелёных мух, гордо пошёл дальше.

Монах усмехнулся и, время от времени, тоже стал посматривать вверх. Когда он поднимал голову, то яркое солнце на мгновение освещало чеканные черты его молодого, мужественного лица. Это был путешественник во времени, Глеб Дронов.

Академические круги Центра хронопутешествий забросили его в цивилизованную, средневековую Европу с тривиальной, на не просвещённый взгляд, целью: фиксировать любые бытовые мелочи и детали. Сюда относятся люди и лошади, костюмы и шляпы, ботфорты и башмаки, каблуки и пряжки, шпоры и пуговицы и ещё много чего. Ведь всем известно, что мелочей, для серьёзной исторической науки, не бывает...

Причём, его шеф, Год Веков, строго-настрого предписал ему только наблюдать, и, ни в коем случае, не вступать в контакт с местным населением. Хотя, Дронов мог свободно общаться на местном диалекте. Лингвист не зря потратил на него целых полмесяца.

Глеб снимал и записывал всё подряд. Нанокamera обладала гигантской памятью и умопомрачительной разрешающей способностью. Она была прикреплена к его груди и выглядела, как капелька росы, совершенно не привлекая внимания любопытствующих глаз.

Монах не спеша прошёл ещё несколько десятков шагов, не забывая поглядывать вверх. Сюрприз от ночного горшка ему был бы ни к чему.

Неожиданно, ему перегородил дорогу солидный господин. Это был человек средних лет с лихо закрученными усами, щегольской бородкой, круглым брюшком и внушительной рапирой на боку. Его сытое лицо светилось подобострастием. Сразу было видно, что он трепетно относился к слугам божьим.

– Святой отец, простите меня, раба божьего, за то, что отвлекаю вас от высоких помыслов.

Тут же, торопливо представился:

– Я, Педро Падос, начальник местной тюрьмы.

Глеб остановился, и неохотно буркнул из-под капюшона:

– Слушаю тебя, сын мой.

– В моей тюрьме содержится очень опасная преступница. Надобно исповедать, и сделать отпущение грехов, этой заблудшей овце из стада божия, перед тем, как душа её пройдёт очищение огнём. А к справедливому очищению огнём грешной души её, милосердно приговорила святая инквизиция.

Угодливо заглянул в глаза Глебу.

– Не могли бы вы, отец мой, совершить это таинство?

Святой отец полюбопытствовал:

– Кто она, сын мой?

Дон Педро оживился:

– Она ведьма, отец мой. Матёрая ведьма! Даром, что эта фурия совсем молодая.

Бойко указал перстом в сторону городской площади.

– На площади уже полным ходом идёт подготовка к очищению её заблудшей души.

Молитвенно сложил руки.

– Я рад за грешницу. Скоро душа её предстанет перед господом, чистой и светлой, как у ангела!

Площадь монаха не интересовала. Его интересовала, приговорённая к сожжению, несчастная девушка.

– Сколько ей лет?

– Восемнадцать, отец мой.

Монах иронично усмехнулся.

– Действительно, очень матёрая преступница.

Посмотрел прямо в маленькие, маслянистые глазки главного тюремщика.

– В чём вина её?

Дон Педро поднял глаза к небу.

– О, на её душе тяжкий грех.

– Какой?

– Она лечила людей разным зельем!

– Ну?

– И люди выздоравливали!

Монах, неожиданно для тюремщика, спросил:

– Что же в этом плохого?

Тюремщик удивлённо посмотрел на божьего слугу.

– Как это, что плохого? Святые отцы учат, что людей надо лечить смирением и словом божьим. Остальное – от лукавого. Господь сам решает, кого оставить на земле, а кого взять к себе, на небо.

Ещё раз поднял глаза к небу.

– И это справедливо!

Доверительно прошептал:

– А ещё святые отцы говорят, что те, кто приобщился к зелью, продали душу дьяволу.

Монах немного задумался и, нахмурившись, решительно произнёс:

– Сын мой, води меня к осуждённой!

Они вошли в помещение тюрьмы. У входа, переваливаясь с ноги на ногу, стояли четыре дюжих, свирепых на вид, охранника. Они были заточены на то, чтобы впускать человека только внутрь. Выпускали же наружу его, преимущественно, с разрешения начальника. Здесь же, слева от входа, помещались апартаменты самого дона Педро. О чём он, не без гордости, поведал святому отцу.

Прошли в глубину длинного сумрачного коридора. Им встретились ещё пара стражей тюремного порядка, которые бесцельно бродили туда-сюда. В самом его конце остановились. Главный тюремщик, на полном серьёзе, обратился к хлипкому охраннику, караулящему дверь.

– Агэпито, она не пыталась тебя очаровать?

Дронов, мельком глянув на втянутые вовнутрь губы и грудь стражника, для себя определил, что начальник беспокоится зря. Таким кавалером женщина вряд ли соблазнится. Даже, если женщина эта из темницы.

Агэпито бодро ответил:

– Нет, дон Педро. Ведьма вела себя тихо, как мышь.

Дон Педро, по-отечески, положил свою руку на узкое плечо охранника.

– Открой темницу, пусть святой отец исповедует преступницу. После того, как святой отец уйдёт, закрой её снова и стой в карауле, у двери, до тех пор, пока за ней не придут. Понял, меня?

Агэпито усердно боднул головой.

– Понял, дон Педро!

Дон Педро ушёл к себе, а слуга божий прошёл в темницу, притворив за собой дверь. В камере царил сумрак. Её освещало лишь маленькое оконце, размещённое под потолком. Дронов с трудом рассмотрел затворницу. Она сидела на грубо сколоченной скамье и отрешённо смотрела в пол. На вошедшего монаха не обратила никакого внимания.

Глеб подошёл к ней и легонько прикоснулся к её плечу.

– Дитя моё, как тебя зовут?

Девушка подняла голову. Дронов поразились её красоте. Её густым и тёмным волосам, которые рассыпались по плечам. Её огромным, синим глазам, в которых застыла тоска. Её чистому, юному лицу, которое словно окаменело.

Пухленькие губки едва шевельнулись.

– Изабелла...

У Дронова сжалось сердце, но он продолжал разыгрывать роль «святого» отца.

– Скажи мне, дочь моя, в чём обвиняют тебя? Неужели только в том, что ты такая красивая?

В глазах девушки отразилось удивление. Она не ожидала услышать из уст святого отца такую ересь.

– Меня обвиняют в том, что я лечила людей травами.

– Кто научил тебя этому искусству?

– Бабушка...

– Бабушка? И её душу, за это занятие, святая инквизиция очистила огнём, так, дитя моё? Узница покачала головой.

– Она лечила тайно. Святая инквизиция о том не ведала.

Монах тихо, но твёрдо произнёс:

– Дочь моя, именем господа нашего, милостивого и всемогущего, я опускаю тебе твои грехи. Все, разом. Теперь ты чиста, как ангел и веди себя дальше, как он. Кротко и смиренно. Договорились, дитя моё?

Узница хлопнула длинными ресницами.

– Хорошо, отец мой.

Монах подошёл к двери и тихо обратился к стражнику:

– Агэпито, сын мой, войди в темницу. Ты сейчас послужишь промыслу господню.

После того, как богобоязненный охранник охотно вошёл в темницу, слуга господний плотно притворил дверь и протянул к нему руку.

– Сын мой, дай мне ключ от темницы.

Стражник, не задумываясь, отдал ключ. Монах удовлетворённо кивнул головой. Но следующая фраза святого отца повергла бедного тюремщика в смятение.

– А теперь, сын мой, ты должен поделиться с ближним своим рубахой своей. И зачтётся тебе это и здесь, на грешной земле, и там, на небесах.

В недалёких глазах стражника обозначилось полное непонимание.

– Я, по убожеству своему, не могу постичь высокого смысла слов ваших, святой отец. Скажите проще, чтобы я понял вас.

Монах едва заметно усмехнулся.

– Хорошо, сын мой. Садись на скамью и раздевайся. Снимай башмаки, мундир и головной убор. А всё, что было под мундиром, я милостиво разрешаю тебе оставить на себе.

Сурово посмотрел в бегающие от испуга и изумления глаза стражника.

– Теперь ты понял, что от тебя требует промысел господень?

У стражника мелко задрожала нижняя челюсть.

– Понял...

Монах грозно предупредил стражника:

– Делай, как я сказал. И делай быстро. Господь карает непослушных рабов своих!

Глаза несчастной узницы стали круглы от удивления. До её понимания не доходило то, что творилось вокруг...

А стражник, между тем, памятуя о каре божьей, разделся, на удивление, очень шустро, и аккуратно сложил свою одежду на краю скамьи.

– А теперь, сын мой, отдохни, – сказал монах, прикоснувшись пальцем к его тонкой шее: ты заслужил божью благодать!

Стражник, безвольно разбросав худосочные конечности, мирно засопел на арестантской скамье. Юная узница, в страхе, вскочила на ноги и попятилась вглубь темницы. Ей показалось, что святой отец сошёл с ума.

А святой отец, видя её смятение, обезоруживающе улыбнулся.

– Хочешь жить, дочь моя?

У ошалевшей узницы на время отнялся язык. Она лишь кивнула головой.

Монах указал перстом на безмятежно спящего тюремщика.

– Тогда, дитя моё, облачайся в костюм этого раба божьего. И поторопись. Нельзя искушать всевышнего. Он и так уже непозволительно долго благосклонен к нам.

Девушка оделась моментально. По росту, костюм тюремщика, пришёлся ей в самый раз. Правда, грудь и бёдра девушки, в заданный формат, вписались с трудом. Ещё больше пришлось повозиться ей со своими, пышными волосами. С горем пополам она упаковала их в тюремный головной убор. И теперь тот сидел у неё на голове вызываясь лихо. Новоиспечённый тюремный страж, с распахнутыми синими глазами, милым носиком, пухлыми губками и очаровательным подбородком, выглядел неотразимо, но очень подозрительно.

Дронов, критично оглядев свою подопечную, проинструктировал её:

– Иди следом за мной, дитя моё. Не отставай. Не смотри по сторонам. Храни молчание. Веди себя невозмутимо. И всё будет хорошо.

Ласково спросил:

– Ты поняла меня, дитя моё?

Глаза девушки доверчиво глядели на странного монаха.

– Поняла, отец мой.

Глеб прекрасно осознавал, какой опасности подвергал он и себя и свою спутницу. О себе он не думал. Он беспокоился о хрупком существе, защиту которого он взял на себя, и будущее которого рисовалось ему весьма туманным...

Они покинули темницу, в которой мирно спал Агэпито. Путешественник во времени запер за собой дверь. Они двинулись по сумеречному коридору к выходу. Дронов сильно

сомневался, что увальни у входа пропустят их на волю. Его ряженая спутница может вызвать у них подозрение. И в этом случае не избежать неприятностей с неясным исходом. И тогда Дронов надумал перехитрить их. Он решился на психологический трюк перед самым их носом. Прежде чем направится к выходу, Глеб вознамерился нанести визит начальнику тюрьмы. На глазах у обломов. Этот трюк поможет, как полагал он, снять подозрения относительно его очаровательной спутницы!

Главный тюремщик сидел на богатом стуле за своим столом. При виде неожиданных посетителей, у него отвисла челюсть.

– Святой отец? Не ожидал увидеть вас здесь и... так скоро. Да, вы, я вижу, не один...

Подозрительно вытаращился на бывшую узницу.

– А откуда взялся этот очаровательный юноша? У меня, в штате, его не было. Здесь что-то не так...

Дронов не дал ему излить свои подозрения до конца. Он молниеносно проделал с ним тот же трюк, что и с его подчинённым. Начальник тюрьмы сразу обмяк. Путешественник во времени откинул его на высокую спинку стула и надвинул ему на глаза шляпу. Получилась вполне правдоподобная картина глубоко задумавшегося человека с объемным кошельком на поясе.

Неожиданно подала голос Изабелла:

– Отец мой, у него мой кошелёк

Трепетно относящийся к частной собственности, Дронов спросил:

– Ты уверена в том, что это твой кошелёк, дитя моё?

– Да. Он отобрал его у меня перед тем, как отвести в темницу...

Дронов отстегнул кошелёк и спрятал его за пазуху. Они тут же покинули апартаменты главного тюремщика. Перед тем как закрыть дверь, Дронов выдал прощальную тираду, да так громко, чтобы его хорошо слышали амбалы, охранявшие вход в тюрьму.

– Я ухожу, сын мой. Провожать меня не нужно. Стража на входе, я надеюсь, и так пропустит меня. Да поможет тебе всевышний в твоём таком благородном, и таком нужном людям, деле, сын мой!

Закрыв дверь, Дронов решительно двинулся к выходу. Его спутница с той же решительностью последовала за ним. Стража почтённо расступилась, удивлённо глаза на странного монаха, и подозрительно таращась на, невесть откуда взявшегося, юного тюремщика. Однако если начальник не возражал, то и они, тоже, должны были поступить аналогичным образом.

Монах и юный тюремщик вышли на улицу. Поначалу, шли неторопливо, чувствуя своей спиной пронзительные взгляды недоумевающих увальней. Для них, сейчас, главным было не суетиться, чтобы не вызвать лишних подозрений. Свернули за угол. Ускорили ход. Свернули за следующий угол, в надежде запутать след. Почти перешли на бег. У Изабеллы, от быстрого движения, свалился, с головы, берет. Густые волосы рассыпались по плечам.

Дронов понимал, что рано, или поздно за ними будет организована погоня. И тогда девушке не уйти. Нужна лошадь. Это, в данной ситуации, самое быстрое средство передвижения. Несчастную девушку может спасти только добрый скакун! Но где его взять?

Помог случай. Им неожиданно заступил дорогу, вынырнувший из тесного переулочка, случайный всадник.

Раздался его властный голос:

– Монах, поберегись!

Глеб поднял голову. На, нетерпеливо гарцующем, скакуне восседал настоящий гранд. Одет он был в шикарный костюм, роскошь которого подчёркивали тонкие, ослепительно белые, кружева. На аристократичном лице играла презрительная усмешка. Смерив насмешливым взглядом посторонившегося монаха, он хотел было ехать дальше. Но тут его взоры привлекла очаровательная спутница монаха, прятая за широкой спиной слуги господня.

В глазах кавалера блеснул хищный огонёк.

– О, какая прелесть! Какие глаза! Какие формы! Им, надо полагать, тесно в грубом, солдатском полотне.

Спешился. Игнорируя Дронова, бесцеремонно подошёл к оробевшей девушке. Прикоснулся своими тонкими пальцами к ее розовой щёчке.

– Впервые встречаю такую красавицу!

Удостоил взглядом путешественника во времени.

– Зачем она тебе, монах? Этот цветок тотчас увянет в ваших скучных кельях. Что ты можешь предложить ей? Рай небесный? Но для этого нужно сначала умереть, монах.

Плотоядно улыбнулся.

– А я смогу подарить ей рай земной! Здесь и сейчас!

Развязно обнял растерявшуюся девушку за талию. Та тщетно попыталась отстраниться. Монаху не понравилось бесцеремонное поведение незнакомца.

Он перехватил руку наглеца.

– Сын мой, разве тебе не ведомо, что господь не поощряет тех, кто зарится на чужое?

Сжал её. Да так сильно, что гранд скорчился от боли.

– А ослушников он наказывает!

Ловелас дёрнулся. Попытка вырвать руку не удалась. Он заносчиво вскинул голову.

– Монах, разве тебе неизвестно, кто я?

Дронов насмешливо прищурил глаза.

– И кто же?

Кавалер высокомерно поведал:

– Монах, перед тобой дон Жуан Тонарио!

«Ах, вот ты какой, знаменитый дон Жуан! – с любопытством подумал Дронов: что ж, приятно познакомиться. Пока, и внешностью, и поведением своим, ты соответствуешь представлению о тебе! Посмотрим, как будешь вести себя дальше, легендарный волокита».

Глеб пожал плечами.

– Ну и что?

Дон Жуан гневно воскликнул:

– Я друг короля Педро Жестокого!

Дронов продолжал насмешливо шуриться.

– Да хоть самого дьявола. Мне всё равно.

Неожиданно перешёл на серьёзный тон:

– Я хочу предложить тебе выгодную сделку, дон Жуан.

Дон Жуан, поначалу, даже опешил.

– Какую ещё сделку, монах? Ты в своём уме?

Дронов невозмутимо продолжил:

– Продай свою лошадь. Я хорошо заплачу. Поверь, это будет хорошая сделка для тебя.

Дон Жуан округлил глаза. Он не находил слов от возмущения:

– Презренный монах, что слышу я?

Монах спокойно его предупредил:

– Можешь после сильно пожалеть, если отвергнешь её!

Севильский сердцеед, в который уже раз попытался освободить свою руку. И у него, снова, ничего не вышло.

– Монах, ты – безумец! Моя лошадь не имеет цены!

Святой отец усмехнулся.

– Разве? Всё на свете имеет цену. И твоя лошадь, тоже. Всё зависит от обстоятельств. Для тебя эти обстоятельства пока выгодные. Соглашайся, дон Жуан. Еще не поздно.

Бретёр поморщился.

– Отпусти мою руку, и я отвечу тебе!

Монах спокойно ответил:

– Хорошо, сын мой. Ты свободен.

Дон Жуан отпрянул назад. В его руке сверкнула шпага.

– А теперь молись, несчастный монах!

Усмехнулся.

– Впрочем, ты не успеешь этого сделать. Я отправлю тебя в преисподнюю прежде, чем ты произнесёшь первые слова молитвы!

Но отправить строптивого монаха по нужному адресу он не успел. Реакция безоружного монаха оказалась быстрее шпаги опытного дуэлянта. Клинок глухо звякнул о мостовую. Его хозяин, сложившись вдвое, улёгся рядом с ней.

Путешественник во времени небрежно заметил:

– Я же предупреждал тебя, раб божий, что сделка: лошадь на деньги – это хорошая сделка. Теперь будет по-другому: за свою лошадь ты не получишь ничего!

Он оттащил бесчувственное тело к обочине узкой городской улочки и прислонил его к стене дома.

Повернулся, к дрожавшей от страха, девушке.

– Изабелла, садись на коня.

Помог ей взобраться в седло. Укутал плащом дон Жуана.

– А теперь, скачи, дитя моё, лети быстрее ветра!

Улыбнулся.

– Хотя, подожди!

Вытащил из-за пазухи её кошелёк.

– Возьми. Пригодится.

Девушка подобрала поводья. Конь, от нетерпения, гарцевал на месте. Она с обожанием смотрела на чудного монаха, который не только спас ей жизнь, но и вернул целое состояние.

– Святой отец, я всю жизнь буду молиться о тебе...

Он подошёл к ней и попросил, чтобы она наклонилась. Когда она это сделала, он страстно поцеловал её в губы.

– А теперь вперёд, Изабелла!

Голова у Изабеллы закружилась. Она покачнулась в седле. В её огромных глазах застыли слёзы. Это были слёзы счастья.

– О, святой отец... Я... я ещё встречусь с тобой?

Святой отец грустно улыбнулся ей в ответ.

– Неисповедимы пути господни. Скачи, дитя моё, скачи быстрее...

Блуждающие тени

Хроновизит Дронова в средневековую Севилью был признан удачным. Академические круги Центра хронопутешествий получили массу интересного исторического материала. Конечно, путешественника во времени снова пожурил его прямой шеф, Год Веков. За нарушение Кодекса. Но это официально, на Совете. Без этого никак нельзя. Иначе, протокол учёного Совета получится пресным и неинтересным.

В приватной же беседе Веков похвалил Дронова за его мужской характер. Особо отметив, что тот, избавив от костра святой инквизиции невинную и красивую девушку, поспособствовал обогащению генетического фонда средневековой Европы. А ещё Векова сильно впечатлила нечаянная встреча Дронова не с кем-нибудь, а с самим дон Жуаном. И как следствие, ему захотелось проверить вьедливой исторической наукой истинность легенды о нём. Особенно, финальную часть легенды, то есть загадку его таинственной смерти. Версия бесславной кончины прожжённого волокиты от объятий каменного памятника, установленного на могиле, убитого им на дуэли, командора, выглядела поэтичной, но... не научной. В финале легенды было что-то другое. А что? Это и предстояло узнать путешественнику во времени, Дронову, который с севильским ловеласом был знаком лично. А коль скоро Дронов знал средневекового сердцееда в лицо, то ему и было поручено разгадать загадку его таинственной гибели...

Итак, снова средневековая Севилья. Монастырь святого Франциска. Семейный склеп семьи де Ульоа. Внутри просторной усыпальницы царила тревожный полумрак. В центре сурового интерьера, белыми призраками, возвышались четыре колонны. На двух из них горели факелы. По стене, от их неверного света, бегали беспокойные тени.

Над могильной плитой усопшего командора склонилась хрупкая фигурка женщины. Бледные руки прижаты к груди. Глаза закрыты. Губки тихо шевелятся, произнося слова молитвы.

Дронов чёрной тенью проскользнул в склеп и затаился за дальней колонной. «Надо полагать, – подумал он о женщине, – это и есть донна Анна, дочь, убитого на дуэли дон Жуаном, командора. Она пришла сюда помолиться на могиле своего отца. Я, кажется, появился вовремя. Похоже, впереди меня ждут интересные события. Хорошо, если ждут! А что, если не ждут? А что, если донна Анна, помолившись, уйдёт? Тогда вся наша затея окажется напрасной. А не хотелось бы...». Такой финал путешественника во времени сильно огорчил бы, ибо был скучен. Самозванный монах – францисканец жаждал другого исхода событий!

И жаждущему воздалось. Неожиданно, блуждающие тени в склепе колыхнулись сильнее, и раздался звук шагов по каменному полу. Молящаяся женщина не шелохнулась. Она продолжала отрешенно творить молитву. Высокая фигура в тёмном плаще тихо подошла к женщине и преклонила колени рядом с ней.

По походке и сложению фигуры, Глеб определил, что вошедший был мужчиной. Но был ли это дон Жуан, Дронов не был уверен.

Тем временем, мужчина молитвенно сложил руки и, склонив голову, тоже стал самозабвенно молиться. Женщина, по-прежнему, не реагировала на гостя. Прошло несколько тягостных минут. Затем мужчина, откинув капюшон, повернул голову в сторону молящейся женщины.

– О, донна Анна...

Глеб по голосу определил, что это, действительно, был дон Жуан. Женщина прервала свою молитву и посмотрела в сторону гостя. В её чёрных, широко открытых, глазах отразился ужас.

– Дон Жуан? Ты ли это?

Севильский ловелас склонил свою порочную голову.

– Да, донна Анна, это я...

Его голос стал звучать мягко и проникновенно:

– О, прекраснейшая из женщин, ты позвала, и я пришёл к тебе!

Донна Анна выпрямилась. Лицо её стало каменным.

– Какой ужас! Умерь свои фантазии, страшный человек.

Дон Жуан растерянно произнёс:

– Вот твоя записка, донна Анна. В ней ты назначила мне свидание в этом странном месте...

Он, дрожащей рукой, протянул девушке клочок бумаги. Она с негодованием отвернулась.

– Я не могла писать убийце моего отца!

Голос дон Жуана потускнел:

– Получается, меня обманули...

Тревожно оглянулся по сторонам.

– И заманили в западню...

Донна Анна поднялась с колен.

– Будь ты проклят, дон Жуан!

Дон Жуан, не поднимаясь с колен, обречённо ухватился за ускользающий подол её платья.

– О, донна Анна, не проклинай меня. Я не убийца. Я не виноват в том, что полюбил тебя.

Любовь слепа. Она лишает человека разума!

Голос его дрожал:

– Твой отец напал на меня первым...

Сделал паузу, собираясь с мыслями.

– Это была дуэль. Победил я. К моему несчастью, я побеждаю всегда...

В его взоре блеснула слеза. Притворная или нет, неизвестно.

– Было бы лучше, если бы он убил меня. Тогда бы я не испытывал тех невыносимых мук, которые терзают меня сейчас!

Покаянно склонил голову.

– О, донна Анна, я грешен. Грехи мои тяжки. Их много. Я знаю, не будет мне прощения ни на земле, ни на небе...

Поднял голову и, с отчаяньем во взоре, заглянул в мраморное лицо дочери, убитого им, командора.

– Я тебя не молю о прощении. Я хочу лишь одного... Я хочу лишь самую малость...

Он едва слышно прошептал:

– Пожалей меня, несчастного...

Она глянула на него сверху вниз.

– Слухи не врут. Ты, действительно опасен, дон Жуан. Речи твои коварны. Они, как яд, отравляют слабое женское сердце, лишая его воли...

Кающийся грешник сделал робкую попытку поймать её руку.

– Донна Анна...

Молодая женщина отстранилась и тихо произнесла:

– Бог тебе судья, дон Жуан!

После этих слов, не оглядываясь, она удалилась...

«Однако, каков мастер художественного слова, – с улыбкой подумал Дронов. – Такой даже из камня может выдавить слезу жалости».

Дон Жуан ещё долго стоял на коленях в немом оцепенении.

«Неужели это всё, – снова огорчился хронопутешественник, – неужели драма переродится в фарс? Вслед за ней сейчас банально уйдёт он и... комедия закончена? Не хотелось бы!».

Но Дронов ошибся и в этот раз. Судьба баловала его. Вскоре после ухода донны Анны, в сумраке склепа материализовались сразу четыре фигуры. В руках фигур сверкали шпаги.

Один из вошедших, видимо предводитель, воскликнул:

– Молись, дон Жуан! Впрочем, не стоит труда. Ты попадёшь прямо в преисподнюю и без молитвы!

Дон Жуан пружинисто вскочил на ноги. Резким движением сбросил одеяние монаха. Высокий и стройный, со шпагой в одной руке, со стилетом в другой, он приготовился к схватке.

– О, я вижу вас целых четверо! И все против одного? Это делает мне честь.

Виртуозно отразил первые выпады.

– А по одному сразиться со мной у каждого из вас не хватает смелости? А? Молчите? Вы трусы и уличные бродяги!

Нападающие усилили натиск. Особенно усердствовал, оскоблённый словами дон Жуана, предводитель.

– Мы прикончим тебя, как собаку, дон Жуан, и зароем на пустыре. А среди черни пустим слух, что тебя отправил в преисподнюю благородный господин де Ульоа. Вернее, его памятник!

«Теперь понятно, – подумал Дронов, – откуда растут ноги легенды о мстительном памятнике! А дон Жуан, однако, держится молодцом!».

Прислонившись спиной к колонне, севильский бретёр, между тем, продолжал мастерски отбивать удары.

– Я вежливый человек и с удовольствием уступлю дорогу в преисподнюю каждому из вас, господа! Занимайте очередь!

На него наседали сразу с трёх сторон. Он ловко парировал удары, не переставая говорить:

– Это от вас я получил записку с приглашением на свидание в этом склепе?

Предводитель, сделав резкий выпад, ответил:

– Да, это мы заманили тебя сюда, дон Жуан! И отсюда живым ты не уйдёшь!

Дон Жуан поднял глаза к небу.

– О, небеса, благодарю вас! Прелестнейшая донна Анна чиста. Я счастлив!

Предводитель снова предпринял попытку поразить увертливого соперника.

– Счастье твоё будет скоротечным, дон Жуан. Я тебе обещаю это!

Севильский забияка, с усмешкой, парировал и этот удар.

– А я возражаю!

Дронов видел, что, несмотря на напускную браваду и превосходное фехтовальное мастерство, его подопечный уже начинал уставать. Тонкая, белая, отороченная изящными кружевами, рубаша служила дон Жуану плохой защитой. Вскоре на левом рукаве появилось красное пятнышко, которое предательски стало увеличиваться. Мгновенье спустя и правый рукав его тоже окрасился в красный цвет.

Предводитель злорадно воскликнул:

– Всё! Твой конец близок, убийца!

Кончик его шпаги коснулся груди дон Жуана. На ослепительно белой рубашке моментально обозначилось ещё одно красное пятно.

Дон Жуан, надсадно дыша, ответил:

– Ты лжёшь, бродяга. Я порядочный человек. Благородный де Ульоа был убит в честном поединке!

Дон Жуан ещё держался, но силы уже явно оставляли его...

Дронов видел севильского авантюриста всего ничего. Но за это время он успел рассмотреть в этом дерзком, и невероятно противоречивом, персонаже и личную храбрость, и отблеск благородства, и намёки на глубокое раскаяние. Что вменялось в вину дон Жуана? Да, сущий пустяк. Он, всего лишь, хотел любить! Но беда его заключалась в том, что любил он порочно, без берегов, часто пренебрегая моральными устоями. Его страсть приносила неприятности не только другим, но и ему самому. По сути, он был глубоко несчастным человеком, несмотря на молодость, знатность и богатство...

Дронов колебался не долго. Ему стало жаль это порочное, умирающее у него на глазах, существо. И он начал действовать. Надёжно и стремительно. Естественно, вопреки суровой букве Кодекса.

Что случилось дальше, не успели заметить, ни нападавшие, ни защищавшийся. Нападавшие не увидели, потому что были атакованы сзади, а дон Жуан уже физически ничего не мог видеть. Обильный пот, заливавший глаза и багровая пелена перед ними, мешали ему адекватно воспринимать реальность. Дронов, как всегда, подоспел вовремя. Пока он разбирался с врагами дон Жуана, тот бессильно опустился на одно колено. Голова поникла. Силы окончательно оставили его.

Разделавшись с нанятыми убийцами, хронопутешественник бросился к дону Жуану. Инъекция быстро привела севильского грешника в чувство. Он поднял голову и открыл глаза. И каково же было удивление дон Жуана, когда он увидел перед собой того самого святого отца, который, непонятно каким образом, сначала отключил его самого, а потом увёл его лошадь.

– Монах? Это... это снова ты? Глаза мои не обманывают меня?

Дронов кивнул головой.

– Твои глаза тебя не обманывают, дон Жуан.

Тем временем, сильно действующий стимулятор сделал своё дело. Севильский волокита твёрдо стал на ноги. Вложил шпагу в ножны.

– Скажи мне монах, как ты узнал, что у меня здесь свидание?

Служитель культа ответил туманно:

– Неисповедимы пути господни, сын мой...

Дон Жуан изумлённо посмотрел на поверженных врагов.

– Это твоя работа, монах?

Святой отец скромно кивнул головой.

– Да.

Глаза дон Жуана стали круглыми.

– И они все мертвы?

– Нет, они живы. Эти бродяги скоро придут в себя и убегут прочь отсюда.

Севильский бретёр с великим уважением посмотрел на святого отца. – Голыми руками уложить сразу четверых наёмных убийц? Это сильно! Я преисполнен восхищения твоей доблестью, монах! Ты спас мне жизнь, и я твой должник. Отныне я всегда к твоим услугам!

Дронов мягко уточнил:

– Не забывай о том, что я напал на них с тыла...

На бледном лице дон Жуана впервые обозначилось подобие улыбки. Он спокойно поинтересовался:

– Монах ответь мне, зачем ты, при нашей первой встрече, украл мою лошадь? Ведь монахи, насколько я знаю, наездники неважные.

Дронов улыбнулся в ответ.

– Ты прав. Лошадь мне ни к чему. Зато она пригодилась моей юной спутнице. Твоя лошадь спасла её от погони.

Дон Жуан оживился. Глаза его обрели прежний блеск.

– Ты говоришь о юной красавице в тюремной форме?

– Да.

– Ей угрожала опасность?

– Святая инквизиция приговорила её душу к очищению огнём. Её хотели сжечь. Костёр на площади для неё уже был готов!

Дон Жуан возмущённо спросил:

– За что?

– За колдовство.

Тонкие брови легендарного волокиты изломались в сострадании.

– Какой ужас! Дай им волю, и они сожгут всех самых красивых женщин Испании!

С благоговением посмотрел на божьего слугу.

– И ты спас её от костра инквизиции?

Монах кротко ответил:

– Меня пригласили исповедать её, и я обманом вызволил несчастную из заточения.

Театрально поднял глаза к небу.

– Небеса, в тот миг, покровительствовали слуге своему в богоугодных делах его...

Дон Жуан уцепился в руку лжесвященника.

– Знаешь, монах, образ этой очаровательной узницы не даёт мне покоя. Ни днём, ни ночью. Монах, я полюбил её! По-настоящему, полюбил!

Его лицо перекосила гримаса страдания. И, похоже, это была не игра, не позёрство, хотя коварный сердцеед был искусным актёром. Но Дронов видел, что дон Жуан действительно страдал.

– Я до сих пор не могу забыть её дивных глаз. Даже в грубом тюремном костюме она была божественно прелестна. Я остыл к женщинам. Мне опостылела жизнь моя. И всё это из-за неё. Я люблю только её, монах! Слышишь, люблю только её!

У него перехватило дыхание.

– Скажи мне, монах, где она? Где я смогу найти её? Куда она ускакала? Даже если она ускакала на край света, я последую за ней!

Хронопутешественник, честно говоря, не ожидал таких горячих сентенций от прожжённого циника. Выходило, что для него было ещё не всё потеряно!

Дронов грустно покачал головой.

– Дон Жуан, я ничем тебе помочь не могу. Ищи её. Она живёт в тех же краях, что и ты.

Дон Жуан крепко стиснул руку человека из будущего.

– Я обойду все селения. Я загляну в каждый дом. И я найду её, обязательно найду!

Дронов улыбнулся.

– Желаю тебе удачи, дон Жуан.

– Только скажи мне, святой отец, как зовут её?

– Её зовут Изабелла...

Лунная дверь

Радиоастрономическая обсерватория на Луне. Наша смена. В команде трое: я – Лунин, начальник вахты и мои коллеги – Селенов и Ночной-Светилов. Мы наблюдаем Вселенную в радиодиапазоне. Всё надеемся уловить радиосигнал искусственного происхождения.

Луна – идеальное место для размещения радиотелескопа. Земной радиотелескоп хоть и досаждал, но не так сильно, как это он делал бы дома. На естественном спутнике мы имели возможность, почти, беспрепятственно принимать радиосигналы в любом диапазоне, и из любой области звёздного мира. Работалось не хлопотно, и даже приятно, если бы не одна мелочь. Сигналов было море. Самых разных. Но, среди них, ни разу не попался тот сигнал, который мы ожидали. Более того, даже не было намёка на него. И это обстоятельство сильно угнетало.

Системы радиотелескопа развернулись на тусклой лунной равнине во всей, своей, технической красе. Наблюдать, так наблюдать! Телескоп был настолько чувствителен, настолько продвинут, что смог бы услышать писк комара, жужжащего где-нибудь в районе Проксимы Центавра, если перевести этот писк в радиодиапазон. Он пропускал через себя, каждую секунду, колоссальное количество разных сигналов из открытого космоса...

Хозяйство обсерватории было обширным. Мы постоянно перемещались от одной его точки к другой и следили, чтобы система работала без сбоев и других неприятностей. Кажалось, чего переживать? Это, ведь, Луна. Здесь нет, ни пернатых, ни летательных аппаратов, ни диверсантов, наконец. И это хорошо.

Но здесь нет атмосферы. А это уже плохо. Нет атмосферы – нет защиты от мелких метеоритов. Не говоря уже о крупных. Правда, крупные метеориты падают с той же частотой, с какой наступает китайская пасха.

Мелкие метеориты – это другое дело. Здесь, на Луне, каждая пылинка, летящая с космической скоростью, старается, пусть даже мелко, но навредить. Так, что дел у нас было не впроворот.

И так, наш навороченный радиотелескоп был заточен на приём сигналов искусственного происхождения. Скорость электромагнитной волны самая высокая на свете. Но расстояние между Луной и звёздами настолько велико, что связь между ними с помощью радиоволн, чем то, напоминает детскую забаву.

Я и мои коллеги, Ночной-Светилов и Селенов, были, до мозга костей, энтузиастами поиска внеземных цивилизаций. Сегодня, наиболее доступным инструментом для этой цели, является радиотелескоп. Однако, он, всё же, слабоват для выполнения заявленной миссии. Тут ведь идёт речь о межзвёздных связях, не говоря уже о связях межгалактических. Не та скорость передачи сигнала. Совсем, не та! Она, надо откровенно признаться, уже вчерашний день.

Допустим, мы получили радиосигнал искусственного происхождения с ближайшей к нам звезды, Проксимы Центавра, который летит к нам четыре с лишним года.

– Привет, ребята!

Мы, с великим трепетом в сердце, отвечаем:

– Привет! Как дела?

Через восемь с половиной лет получаем от них ответ:

– Хорошо! А у вас как?

Отвечаем:

– У нас тоже, хорошо!

Ещё через восемь с половиной лет принимаем:

– Мы рады за вас!

А если расстояния между космическими переговорщиками будут измеряться не световыми годами, а сотнями, или, даже, тысячами световых лет, что тогда? Ответ на этот вопрос до сих пор висит в воздухе.

Даже суровые прибалтийские парни общаются между собой быстрее...

Электромагнитная волна, хоть она и считается самой быстрой в природе, для общения между звёздными мирами годится слабо. Это, примерно, то же самое, если между Москвой и Питером будет курсировать экспресс со скоростью... улитки.

Здесь нужно нечто сверхсветовое, а лучше мгновенное, как мысль. Жаль, что мысль не материальна и не может переносить информацию. Хотя, кто знает...

Я – мажорный оптимист. Уверен, что наступит тот миг, когда мы, обязательно, вступим в контакт с внеземной цивилизацией и так обогатим, друг друга, что сделаем головокружительный рывок вперёд в развитии своих цивилизаций! Причём, взаимный!

Селенов – оптимист минорный. Он уже будет доволен, как слон, если мы, хотя бы раз в жизни, поймем сигнал искусственного происхождения. А если ещё удастся его расшифровать, то он будет на седьмом небе от счастья. На большее он не рассчитывает.

А вот Ночной-Светилов себя в ряды оптимистов не определяет. Он, скорее всего, циничный прагматик. В наших бесконечных дискуссиях о внеземных контактах, он участия не принимает, видя в этом занятии мало проку. Этот конченный прагматик, с ухмылочкой, лишь почёсывает за собственным ухом. Точь-в-точь, как центральный персонаж на картине Перова, «Охотники на привале». Для него будет пределом удачи, если получится отделить сигнал искусственного происхождения от естественного «мусора». О расшифровке разумного сигнала речь даже не идёт. Это уже за пределами его мечтаний.

Проверить исправность антенн радиотелескопа я, обычно, ездил с Селеновым. Ночной-Светилов остался дома. Традицию мы не нарушили и на этот раз.

Мы катили на луноходе по хорошо известному маршруту, и тоскливо взирали на пепельно-серый, застывший ландшафт. Перед нами разворачивалась странная, непривычная для земного глаза, панорама.

Я, зевая, заметил:

– Забавно, что все предметы ландшафта одинаково контрастны. Что на переднем плане, что у горизонта.

Селенов со мной согласился:

– Действительно, забавно. Сколько раз смотрю, столько раз удивляюсь.

И тут мы неожиданно заговорили о живописи. Натолкнули на мысль о ней виды безвоздушной среды. Селенов улыбнулся сквозь забрало гермошлёма.

– Молодцы художники Раннего Ренессанса! Я восхищён ими. На Луне не были, но натуру, без воздуха, передавали отменно.

Я улыбнулся ему в ответ.

– Просто, они не умели изображать воздух.

Добавил:

– Позже, Леонардо и Рафаэль, с лихвой, исправили этот недостаток.

Селенов шутливо возразил:

– Леонардо и Рафаэль? Подумаешь! Это у них всё от бедности воображения. Они гениально изображали то, что видели. А представить мир без воздуха и показать его на картине, это надо уметь.

И уже серьёзным тоном завершил свою мысль.

– Конечно же, я согласен с тобой. Мастерское использование ими эффектов воздушной перспективы – это гениальное достижение в живописи!

Некоторое время помолчали, глядя на, навечно застывший, ландшафт ночного светила. Одни фракталы. Ничего интересного. И тут мой блуждающий взгляд наткнулся ещё на одно

природное образование. Оно отдалённо напоминало, не то конус, не то пирамиду. Фрактал заинтриговал меня подозрительной правильностью своей формы. Я свернул с магистрального пути.

Селенов удивился.

– Ты куда?

Я указал рукой на странную форму.

– Видишь остроконечный фрактал?

– Ну и что?

Я улыбнулся.

– Подъедем, посмотрим поближе.

Селенов нехотя согласился.

– Ладно, поехали.

Подъехали и не пожалели об этом. Вблизи странный фрактал выглядел, как невысокая, пятигранная пирамида. Материал, из которого она была сработана, явно отличался от лунных камней.

У Селенова загорелись глаза.

– Лунин, я даю свою голову на отсечение, что это искусственная форма!

Я, тоже, ощутил необыкновенное воодушевление.

– Вот так новость! Вот так открытие! Ночной-Светилов, когда узнает, то потеряет дар речи!

– Интересно, кто её поставил?

– Кто угодно, только не мы!

– Значит, инопланетяне!

Селенов задумчиво прищурил глаза.

– Интересно, для чего?

Я пожал плечами.

– Этот вопрос, точно, не ко мне.

Но на этом удивительном открытии наше приключение не закончилось. Мы стали медленно двигаться вокруг инопланетной формы, любуясь чеканностью её граней. Неожиданно, луноход тряхнуло и он завалился набок. Два его задних колеса, разом, куда-то провалились. Мы стукнулись лбами. Селенов чертыхнулся. Я включил передний привод. Луноход задрожал от напряжения и медленно подался вперёд. Сзади поднялось облако пыли, которое тут же стало, нехотя, оседать. Луноход выровнялся. Удивлённые происшествием, мы покинули салон. Неспешно прошли вокруг машины. В двух шагах от кормы лунохода увидели небольшую расщелину странной формы. Край её подозрительно напоминал прямой угол.

В моих наушниках прозвучал удивлённый голос Селенова:

– Что бы всё это значило?

Я удивился не меньше его.

– Пустоты в лунном грунте? Невероятно!

Селенов поддержал меня.

– Действительно, странно. Откуда это чудо природы здесь взялась? Матушка-природа, ведь, не терпит пустоты. Это, постулат! Особенно на мёртвом небесном теле, где исключены всякие геологические процессы.

Покачал головой.

– Никогда бы не поверил, если бы не увидел сам.

Я подлил масла в огонь.

– Заметь – это не просто чудо, а чудо с сюрпризом!

Селенов согласился:

– Я согласен с тобой. Интрига ещё та. Природа прямых углов делать, пока, не научилась!

– Значит?

– Значит, это тонкий намёк на... искусственное происхождение этой полости!

Подытожил:

– Как и пирамиды! Сдаётся мне, что эти два объекта, наверняка, связаны друг с другом!

Меня, снова, накрыла волна вдохновения.

– А мы, сейчас, твою версию попробуем на зуб!

Мы подошли к краю расщелины. Я посветил внутрь. Ожидал, что яркий луч упрётся в неглубокое, неровное дно. Не тут, то было. К моему удивлению, луч пропал в темноте. Словно его и не было вовсе. Это явление нас озадачило.

Селенов ошеломлённо пробормотал:

– Ну и фокус!

Обратился ко мне:

– Лунин, чем всё это можно объяснить?

Я выдвинул сразу две версии:

– Либо расщелина слишком глубока, и луч света не достигает её дна. Либо свет полностью поглощается её стенками.

– Что-то вроде «чёрной дыры»?

– Да. Отражательная способность поверхностей нулевая.

Постояли несколько минут в раздумье. Вознамерились было уже ехать к своим антеннам-решёткам, как, вдруг, мне в голову пришла шальная мысль. Я обратился к коллеге:

– Давай-ка обследуем эту инопланетную полость, а? Времени потратим немного. Антенны обслужить успеем. Как ты? Попробуем?

Селенов неуклюже взмахнул рукой:

– Давай.

Спросил:

– Кто ползет внутрь?

Я, без колебаний, ответил:

– Полезу я!

Добавил:

– Только фал нужен, как можно, длиннее. Гравитация небольшая. Авось не расшибусь. Главное, пролезть в отверстие, не повредив скафандра.

Сказано-сделано. Я осторожно протиснулся во чрево расщелины. К моему удивлению, полость расширялась к низу, вместо того, чтобы сужаться. Вскоре, я стал болтаться в пустоте, как сосиска.

Селенов, с беспокойством в голосе, поинтересовался:

– Лунин, что там у тебя?

Я ответил:

– Болтаюсь в пустоте.

– Моё действие?

– Трави, понемногу, вниз!

Я спускался всё глубже. Меня окружала антрацитовая чернота. Луч света активировал лишь, едва заметное, серебристое мерцание.

Вскоре мои ноги коснулись твёрдой поверхности. Натяжение фала ослабло.

Сверху тревожно спросили:

– Фал ослаб. Лунин, ты не сорвался?

Я ответил, как можно, спокойнее:

– Всё в норме. Пята моя обрела твердь лунную.

Наверху успокоились.

– Если вздумаешь подняться, то дёрни фал или дай команду на подъем.

– Хорошо.

Я осмотрелся. Меня окружала непроницаемая темнота. Плоскости стен и углы лунного интерьера едва-едва угадывались в лёгком, мерцающем посверкивании. Хотя, они, в упор, освещались ярким электрическим светом. Я определился с примерными физическими размерами подлунного сооружения. Оно выглядело не очень большим. Функциональное назначение инопланетного помещения для меня оставалось загадкой. Что это? Шлюз? Тамбур? Передняя? Впрочем, это гадание на кофейной гуще...

Я методично обследовал загадочную полость световым лучом. Свет беспрепятственно скользил по поверхности стен странного сооружения. Нигде ни сучка, ни задоринки. Поверхности, окружающие его со всех сторон, были идеально гладкими. Ни малейшего намёка на проёмы. Если, конечно, не считать дырки в потолке.

Наверху забеспокоились:

– Лунин, почему молчишь?

Я, по-прежнему, старался держать себя в руках, хотя меня начинал донимать мандраж.

– Ты не поверишь, но я нахожусь в полости, которая имеет не только искусственное происхождение! Здесь, внутри, всё фантастически технологично!

Наверху воцарилось молчание. Селенов, видно, переваривал полученную информацию. Потом, на всякий случай, переспросил:

– Всё-таки, инопланетяне? Ты не шутишь?

Я обиделся:

– Какие тут шутки! Вижу идеально ровные плоскости стен и идеально прямые углы!

Наверху, наконец, поверили.

– Ну и чудеса!

Я продолжал гнать наверх информацию о лунной аномалии.

– И это не всё. Стены, пол и потолок работают только на поглощение света. Альбедо – ноль.

– Абсолютное чёрное тело?

– Почти...

Селенов был изумлён, до крайности.

– Вот тебе, бабушка, и юрьев день! Мы тут столько времени паримся с радиотелескопом, изо всех сил пытаюсь доказать, что не одиноки во Вселенной, а здесь доказательство нашего не одиночества само свалилось нам на голову! И где? Под самым боком!

Снова повторил свою любимую фразу:

– Ну и чудеса!

Но тут же взял себя в руки и предостерег меня:

– Это творение чужого разума. Веди себя осторожно. Не делай резких движений. Проверь радиацию.

Я бегло глянул на показания анализатора. Успокоил Селенова.

– Норма.

– Что собираешься предпринять дальше?

– Не знаю. Попробую найти дверь, или что-нибудь подобное.

Мой соратник встревожился.

– Не торопись. Мы столкнулись с чужим разумом. Здесь надо подумать.

– Предлагаешь отложить исследование до следующего раза?

– Да. Надо поговорить с Землёй. Это дело серьёзное!

Я пребывал в раздумье. Селенов, действительно, был прав. Куда торопиться? Творение лунных зодчих никуда не убежит. Немного подумав, я принял решение подниматься. Ещё раз прошёлся ярким лучом по лунному интерьеру. Осторожно погладил грубой перчаткой его шелковисто – зеркальную поверхность. И, на прощанье, как проказливый мальчишка, решил

поозорничать. Кто из нас в детстве не звонил в незнакомую дверь, а потом, быстро-быстро, не убежал? По-моему, так поступали все, уважающие себя, мальчишки, ибо такой поступок, в их представлении, считался вершиной доблести. И я, с глупой улыбкой на устах, беззвучно постучал кулаком по полированной поверхности, чтобы потом, будучи довольным, как слон, подняться наверх. То, что произошло позже, ввергло меня в состояние ступора. То ли в наушниках моего гермошлёма, то ли, непосредственно, моём мозгу, отчётливо прозвучал незнакомый голос:

– Кто там...

Вещий

Имя великого киевского князя Олега воспето во многих легендах и сказаниях. Он – основатель древнерусского государства со столицей в граде Киеве. Князь был знаменит своими военными победами и государственными свершениями. При его княжении Древняя Русь стала могущественным государством, а Киев – матерью городов русских. Он правил долго и славно. Более трёх десятков лет...

Однажды, согласно легенде, возвращаясь со своей дружиной из очередного похода, он встретил в лесу вещего старика-волхва. Старик напроорочил ему гибель от его же боевого коня. Князь поверил волхву и приказал отроку увести своего испытанного друга. Прошло несколько лет. И когда князь узнал, что конь его почил, то сильно засомневался в правдивости предсказания вещего старика.

Однако предание гласит, что пророчества волхва сбылись. Звучит всё это таинственно, и весьма странно. А главное, совсем нереалистично...

Вот на этой странности и заострили своё академическое внимание историки Хроноцентра. Не верить истинности утверждения народных преданий, у них не было ни каких оснований. И всё же, для установления истинной причины смерти великого властителя Древней Руси, требовалась дополнительная и достоверная информация.

Для прояснения столь важного исторического вопроса, в олегову эпоху был отряжен самый опытный из хронопутешественников, Глеб Дронов. Непосредственный шеф Дронова, Год Веков подготовил своего подопечного к путешествию весьма тщательно. Он прекрасно понимал, что общество, в которое ему предстояло войти, не отличалось утончённой светскостью. Это были, в основном, суровые воины и главным аргументом в их разговоре был меч...

907 год. Князь киевский, Олег совершает свой дерзкий поход на Византию. Восточная римская империя на тот момент времени позиционировала себя самым могущественным государством мира. Византия располагала мощной сухопутной армией и могущественным флотом. И, тем не менее, византийский император не рискнул сразиться с русичами в открытом поле, а решил отсидеться в осаждённом Царьграде, за его крепостными стенами. Вместо сражения с русичами, он предпочёл откупиться. И правильно сделал. Потому что после этого, мудрая Византия благополучно просуществовала ещё пять с половиной столетий. Олег же получил много золота и большие привилегии для русских купцов. В знак своего военного превосходства над вторым Римом, он повелел прибить свой щит к воротам Царьграда. В назидание.

Однажды, по возвращении из очередного, победоносного похода, ему встретился старик-прорицатель. Олег попросил волхва открыть ему завесу грядущего. Старец предрёк князю скорую смерть. Но не от меча, стрелы или кинжала. Он предрёк её от его же собственного коня. Закручинился Олег: жаль, ему было расставаться со своим боевым товарищем. Ведь тот много лет преданно служил князю верой и правдой. Но делать нечего: собственная жизнь дороже!

Простился Олег со своим боевым конём и того, тотчас, увели отроки. Вдогонку он строго наказал, чтобы за опальным конём уход был таким же, как и прежде. Вскоре, за мирской суетой, он забыл о своём скакуне.

Минуло несколько лет. Наступил 911год. Этот год принёс новую победу киевскому князю. Вернулась дипломатическая делегация из Византии. Вернулась с доброй вестью. Император цареградский уведомил киевского правителя, что ранее заключённые договора с Русью остаются в силе, и Византия будет неукоснительно соблюдать их и дальше.

Весть добрая, нужная для Руси. На радостях, князь Олег распорядился устроить на берегу седого Днепра, рядом с холмом, царский пир. Князь покликнул на пир всех, оставшихся в живых, боевых соратников. Это были седовласые бойцы, которые участвовали во всех его

боевых походах. Осталось их немного. Но дружинники, как встарь, были энергичны, крепки и веселы.

Рядом с седовласым князем, сидел его молодой преемник, будущий киевский князь Игорь. Светило вечное солнце. Весело искрились воды Днепра. Разгорячённые лица овеял прохладный ветерок. Вдали возвышался стольный Киев-град.

Братины, наполненные до краёв добрым мёдом и выдержанным вином, ходили по кругу. Бойцы, сидя за широкими, дубовыми столами, угощались и веселились. *Они поминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они...*

Странный человек появился внезапно!

Словно выткался из воздуха!

Прямо перед пирующими!

Это был хронопутешественник Дронов. Выглядел он, как и те, в обществе которых он внезапно объявился. Если бы не его чудное явление, то на него никто не обратил бы внимания. Оружия при нём не было. Разве что, висевший на поясе, традиционный армейский нож, с которым он никогда не расставался. Нож служил ему своеобразным талисманом.

А так... появление странного молодца ниоткуда, произвело на захмелевшее воинство неизгладимое впечатление. Да и на князя, тоже. В своей бурной жизни они встречали многое. Но такое чудо видели впервые. Пролети сейчас мимо них змей Горыныч, или проскочи в своей ступе баба-Яга, они, пожалуй, впечатлились бы меньше.

Да и сам хронопутешественник был не в большом восторге от своего близкого соседства с вооружённой гурьбой, основательно подгулявшего воинства.

«Похоже, я обозначился в этой реальности не совсем удачно, – с тревогой подумал Дронов, – слишком близко от объекта исследования. Плохо. Могут быть неприятности...».

Дронов как в воду глядел. Столы загудели. Потом от захмелевшего собрания последовал неправильный вывод: раз странный человек появился не известно из чего, то неспроста всё это. Не лихой ли он? Не принёс ли он беду?

Воевода князя и несколько разгорячённых дружинников вскочили из-за стола, и схватились за мечи. Полукольцом подступились к странному незнакомцу. Дело начинало принимать скверный оборот. Медлить было нельзя.

Пришелец поднял руку и обезоруживающе улыбнулся.

– Мир вам всем. Я, без меча. Я пришёл к вам с добром!

Улыбка и миролюбивые слова таинственного мужа возымели своё действие. Дружинники нехотя остановились. Суровое выражение их бородатых лиц, чуть-чуть смягчилось.

Воевода окинул оценивающим взглядом ладную фигуру пришельца. Вложил меч в ножны.

– Добро. Ладные слова глаголешь.

Задал хронопутешественнику вполне ожидаемый вопрос:

– Ответь, кто ты и зачем пожаловал к нам?

Пришелец миролюбиво продолжил:

– Хочу слово молвить славному князю киевскому.

Воевода повернулся к своему сюзерену.

– Дозволишь, княже?

Седой, как лунь, князь повелительно кивнул.

– Пропусти молодца. Пусть подойдёт.

Хронопутешественник неторопливо, с достоинством, прошёл меж дубовых столов и остановился перед киевским властелином. Шёл он в сопровождении воеводы и двух дружинников. У всех троих в руках обнажённые мечи. На него, не отрываясь, глядели другие дружинники. В глазах гамма самых разных чувств. От любопытства, до ужаса.

Дронов остановился в трёх шагах от легендарного князя. В знак уважения, склонил голову. Учтиво поприветствовал седовласого правителя земли русской:

– Приветствую тебя, великий князь, победитель Византии. Слава о тебе пребудет в веках. Правь долго и счастливо, во благо земли русской!

Пригожий незнакомец князю понравился. И слова его учтивые пришлись суровому воину по душе. Он мягко отвечивал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.